

АЛЕКСАНДР ОСПОВАТ

ТРИ ЗАМЕТКИ К ТЮТЧЕВУ И ПУШКИНУ

1. «ПРАВОСЛАВНЫЕ» МУСУЛЬМАНЕ

Трехстрочное стихотворение Тютчева «О наша крепость и оплот...», при первой публикации присоединенное к двум строфам его же стихотворения «Видение» (Галатея. 1829. № 34. С. 144), хотя и сочинено во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг., манифестирует взгляд отстраненного наблюдателя. Христиане молятся своему богу (впрочем, ассоциируя его с иудейским), мусульмане – своему; в концовке луна зажигает Олегов щит «над вратами Истанбула»: это, конечно, намек на развязку, но он не поддается однозначному истолкованию. Через двадцать пять лет, накануне Крымской войны, Тютчев снова напечатал этот текст, озаглавив его «Олегов щит» и подвергнув весьма существенной редактуре (Раут. Книга третья: Исторический и литературный сборник в пользу Пресненского семейного приюта <...>. Издание Н. В. Сушкова. М., 1854. С. 430). Изменения, в частности, претерпела вторая строфа стихотворения «О наша крепость и оплот...» (четвертая в слитной публикации «Галатеи»), которой теперь открывался «Олегов щит».

Редакция 1829 г.:

«Алла! пролей на нас твой свет!
Краса и сила Православных!
Бог истинный, тебе нет равных,
Пророк твой – Могамед!...»

Редакция 1854 г.:

«Аллах! пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой – Магомед!..»

Поводом к этой правке несомненно послужила яркая двусмысленность в концовке второго стиха. Для перевода греческого понятия *orthodoxia* в русском языке издавна использовались этимологические дублиеты *православие* и *правоверие*¹, но уже к началу XIX в. лексема *православный* обозначала принадлежность только к греко-российскому исповеданию, а лексема *правоверный* употреблялась и в широком смысле – как характеристика любого иноверца с точки зрения православного («правоверный като-

лик»), и в более узком – применительно к мусульманину². Закреплению в речевом обиходе 1810–1820-х гг. субстантивированного адъектива «правоверные» в значении «мусульмане»³ способствовали в изобилии появлявшиеся на страницах русской печати «восточные повести» и «арабские сказки», и показательно, что клишированное в русле данной традиции противопоставление «правоверных» и «гяуров»⁴ введено в первую строфу «Олегова щита». *Аллаху* адресована здесь молитва о военной победе.

В редакции 1829 г. акцент поставлен иначе. Не как верховный патрон в битве с неверными славится *Алла*, но как единственный «Бог истинный». Именно этим мотивировано нарушение терминологической конвенции: вместо самоименования «нас <...> правоверных», специфицирующего принадлежность к одной из многих существующих конфессий, в уста мусульман влагается самоименование «нас <...> Православных!». Тем самым актуализируется этимологический смысл данной лексики: те, кто содержат истинное благочестие, правый закон, православие.

Доминирующий в этой строфе мотив восходит к Эразму Роттердамскому, а его словесное оформление – к архаической норме, встречающейся в русских переводах «Похвалы глупости».

В том фрагменте «Похвалы глупости», где предложена классификация различных форм тщеславия, присущего нациям и даже отдельным городам (глава XLIII по установившемуся с 1765 г. делению), вслед за венецианцами, которые «счастливы сознанием своего знатного происхождения», и греками, «мнящими себя творцами всех наук и приписывающими себе достохвальные деяния древних героев», упоминаются и турки:

Turcae totaque illa vere barbarorum colluvies etiam religionis laudem sibi vindicat Christianos perinde uti superstitiosos irridens [Турки, это скопище настоящих варваров, притязают на обладание единственно истинной религией и смеются над суеверием христиан]⁵.

В первом печатном переложении «Похвалы глупости» на русский язык, увидевшем свет в 1789 г.⁶ в составе анонимного сатирического памфлета «Кривонос домосед»⁷, соответствующее место выглядит так:

Турки и все в невежестве пребывающие народы тщеславятся истинным своим православием⁸.

Ср. в первом русском переводе «Похвалы глупости», вышедшем под именем автора:

Турки и все в невежестве пребывающие варвары тщеславятся православием, называя Христиан суеверами⁹.

Таким образом, есть основания предположить, что за демонстративной объективностью, с какой в тютчевском катрене 1829 г. переданы пре-

тензии мусульман на *православие*, скрывался глубинный субверсивный план. Тривиализируя свой текст в 1854 г., автор должен был им пожертвовать.

2. «ЯНЫЧАРЫ» РУССКОГО ЦАРЯ

Вторая строфа стихотворения «Как дочь родную на закланье...», сочиненного вскоре после подавления Польского восстания 1830–1831 гг., читается следующим образом:

Но прочь от нас венец бесславыя,
 Сплетенный рабскою рукой!
 Не за Коран самодержавья
 Кровь русская лилась рекой!
 Нет! нас одушевляло в бое
 Не чревобесие меча,
 Не зверство янычар ручное
 И не покорность палача!¹⁰

В предшествующей и последующих строфах Тютчев трактует замысел Провидения, которое назначило славянству принести «одноплеменную» Польшу в жертву на *очистительный костер*, а приведенный пассаж адресован тем, кому чуждо *сие-то высшее сознание*, – в частности авторам брошюры «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (СПб., 1831), манифестировавшим позицию имперского патриотизма и торжествовавшим победу над мятежным ляхом¹¹. Среди ресурсов, использованных в тютчевской инвективе, обращает на себя внимание и нагнетание «турецкого» колорита, достигшее своего пика в предпоследнем стихе.

Этот стих был прокомментирован, кажется, лишь однажды. Разбирая «Стихи о русской поэзии» Мандельштама, Борис Гаспаров попутно заметил:

Образы янычар и «Корана самодержавья» у Тютчева <...> отсылали к державинской традиции <...>: они напоминали о Екатерине – «царевне Киргиз-Кайсацкия Орды» из «Оды Фелицы». Тютчев встраивает этот «турецко-татарский» аспект державинской традиции в другой контекст, придающий ему совершенно иную (но традиционную для русской истории) коннотацию¹².

Представляется, однако, что «зверство янычар ручное» прежде всего отсылает к описанию цареубийства 11 марта 1801 г. в финале пушкинской оды «Вольность»:

И слышит Клии страшный глас
 За сими страшными стенами,
 Калигуллы последний час
 Он видит живо пред стенами <...>
 Вином и злобой упоенны,
 Идут убийцы потаенны,
 На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой <...>
 О стыд! о ужас наших дней!
 Как звери вторглись янычары!..
 Падут бесславные удары –
 Погиб увенчанный злодей¹³.

Выделенный нами стих также имеет литературную генеалогию. Параллель между янычарами турецкого султана и дворцовой стражей русского царя, введенная в европейский оборот в конце XVII в.¹⁴, обязана своим распространением Вольтеру. Начиная с «Истории Карла XII, короля Швеции» (1731)¹⁵ он неоднократно прибегал к этому сравнению, которое в развернутом виде представлено в его «Анекдотах о царе Петре Великом» (1748; в Кельском издании 1784–1789 гг. и в других авторитетных собраниях публиковались вместе с более поздней «Историей Российской империи при Петре Великом»).

В 1698 г., по получении известия о «гражданской войне», Петр срочно вернулся на родину из Вены. «Стрельцы, старое воинство царей, подобное янычарам – такое же буйное, такое же непокорное, менее отважное, но не менее варварское, пришли в волнение, подстрекаемые к бунту несколькими настоятелями и монахами [Les strélitz, ancienne milice des czars, pareille à celle des janissaires, aussi turbulente, aussi indisciplinée, moins courageuse et non moins barbare, fut excitée à la révolte par quelques abbés et moines]. <...> Петр, предвидевший, на что способны монахи и стрельцы, взял свои меры. Он располагал войском послушным, составленным по большей части из иностранцев хорошо оплачиваемых, хорошо вооруженных <...>. Такого войска не оказалось у султана Османа, который, подобно Петру, желал преобразовать своих янычар, но, в отличие от Петра, ничего не мог им противопоставить, не сумел их преобразовать и был ими задушен [C'était à quoi avait manqué le sultan Osman, qui voulant comme Pierre réformer ses janissaires, et n'ayant pu leur rien opposer, ne les réforma point, et fut étranglé par eux]¹⁶.

Таким образом, в ассоциативное поле, окружающее Павла I в двух последних строфах пушкинской оды, наряду с фигурой императора Калигулы, убитого заговорщиками из преторианской когорты, вводится фигура султана Османа II, задушенного янычарами в 1622 г., и эту новую проек-

цию подкрепляет хорошо известный факт из биографии покойного императора: как будто следуя завету своего официального прадеда, он сразу по воцарении начал реформу гвардии, предусматривавшую коренное обновление ее состава за счет лично преданных императору офицеров гатчинского и павловского гарнизонов.

Контекст «Вольности» объясняет полемическую функцию пушкинской реминисценции, появившейся в тютчевском тексте 1831 г. Она, в сущности, является репликой-укором Пушкину (не подразумевавшей, однако, знакомство с ней адресата – см. примеч. 10): тому, кто некогда обличал вышедшее из-под контроля зверство русских янычар, не пристало симпатизировать их «ручному» зверству, обращенному на славянских братьев.

3. «ВАТИКАНСКИЙ ДАЛАЙ-ЛАМА»

Ровно через год после того, как XX Вселенский Собор, созванный Пием IX, принял догмат, согласно которому папа, говоря с кафедры (т. е. «практически осуществляя предназначение пастыря и учителя всех христиан»), обладает непогрешимостью в вопросах веро- и нравоучения (*infallibilitatis ex cathedra*), – летом 1871 г. Тютчев написал стихотворение «Ватиканская годовщина»¹⁷. Оно завершается строфой, графически (строкой точек) отделенной от семи предшествующих:

Но нет, как ни борись упрямо,
Уступит ложь, развеется мечта,
И ватиканский далай-лама
Не призван быть наместником Христа.

В этом последнем из ряда публичных (или рассчитанных на распространение в узком кругу) тютчевских высказываний, трактующих тему Римской церкви, давно сложившийся набор характеристик понтифика пополнен уподоблением его «далай-ламе». Смысл данного перифрастического оборота понятен: папа, неуклонно умножающий и расширяющий свои прерогативы, на самом деле является верховным жрецом собственной (азийской) религии, не имеющей ничего общего с христианством.

Типологическое сходство двух первосвященников отмечено уже в первом русском энциклопедическом словаре – «Лексиконе Российском...» В. Н. Татищева (увидевшем свет спустя несколько десятилетий после его смерти):

Далайлама, слово сие точно далай, на мунгальском называется окиан, или великое море, а лама архиерей. Он есть главный государь

тангутский и священник высший всего того закона, равно как Папа. Калмыки и мунгалы почитают его за бога и так веруют, что он все ведаёт и видит, что во всем свете делается, и его почитают бессмертна и не только безгрешна, но и власть имущаго грехи отпущать и законы пременять, по которому и другим многим обстоятельствам, кроме веры о Боге, во многом с Папежскими суеверствиями и законы согласует¹⁸.

Непосредственным же источником тютчевской игры слов послужил, по-видимому, тот фрагмент из книги Н. И. Греча «Чтения о русском языке», где неумеренный культ Пушкина описан по аналогии с преклонением католиков и буддистов перед своими вождями:

Я принадлежу к самым искренним и гласным читателям великих талантов Пушкина, но не обязан и не дерзаю превозносить его безусловно и исключительно. Эти безотчетные восторги и коленопреклонения иступленных сеидов, во-первых, при жизни не могут быть приятны благородному писателю, уверенному, что в мире нет совершенства; во-вторых, приносят ему существенный вред, когда он сойдет со сцены: они легко превращаются в столь же безусловное порицание, и нередко в устах тех самых, которые, из личных расчетов, по духу партии или просто, по слабоумию, выхваляли в нем безошибочного папу или Далай-Ламу, боялись коснуться его славы, будто бы она была вылеплена из ломкого фарфору¹⁹.

Судя по письму, в котором Тютчев благодарит автора за подаренный экземпляр «Чтений»²⁰, он заглядывал в эту книгу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / Труд И. И. Срезневского. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1349–1351; *Polikarpov F. Lexikon trejazučnyj. Dictionarium trilingue. Moskva 1704 / Nachdruck und Einleitung von H. Keipert. München, 1988. S. 489.*

² В обоих изданиях Академического словаря этот узус не фиксируется, но примечательно, что если значение слова «правоверный» передается здесь как «содержащий правоверие, православный, истинную веру исповедующий», то определение слова «православный» – «исповедующий правую, истинную Христианскую веру» – не включает ответной ссылки. См.: Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб., 1789. Ч. 1. Стб. 1021–1022; СПб., 1794. Ч. 5. Стб. 517. Ср.: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. V. Стб. 130, 132.

³ Устойчивость такого словоупотребления обыграна в шутивном пассаже из письма Пушкина Вяземскому от 29 октября 1824 г.: «Между тем принужден был

- бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам – и донные правверные ожидают его» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. [Л.,] 1937. Т. XIII. С. 125).
- ⁴ См., напр., в «Деревянной красавице» О. Сенковского (1825): «Ты, что простер бритвоострый мост Эль-сыррат над бездонною пучиною ада, по которому правверные пройдут спокойно в рай, а гяуры скользнут в вечную муку!» (Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.; Л., 1960. С. 593).
- ⁵ *Desiderii Erasmi Roterodami Morias encomion, Sive declamatio in laudem stultitiae <...>. Ulmae, 1747. P. 46; Эразм Роттердамский. Похвала глупости / Перевод с латинского П. К. Губера; редакция перевода С. П. Маркиша. М., 1960. С. 57.*
- ⁶ Мы не учитываем рукописные переводы Эразма, циркулировавшие в России начиная со второй половины XVIII в. и восходившие к латинскому оригиналу или его французским переводам. См.: *Щапов Я. Н.* «Похвала глупости» Эразма Роттердамского в русских переводах (Рукописи в собраниях Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Гос. архива Ярославской области) // *Записки Отдела рукописей <ГБЛ>. М., 1958. Вып. 20. С. 102–117.*
- ⁷ См.: *Кривонос домосед[.] страдалец модной. СПб., 1789. С. 33–99.* Оригинал идентифицирован в: *Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. М., 1964. Т. II. С. 94.*
- ⁸ *Кривонос домосед. С. 67.* Заметим попутно, что анонимный переводчик, с одной стороны, снял из этого пассажа Эразма характеристики римлян и иудеев, а с другой – самочинно дополнил перечень народов, склонных к тщеславию, еще двумя: «Поляки хвалятся меною ушей на честь, а Русские тем, что ни о чем много головы не ломают» (Там же).
- ⁹ *Похвала глупости, сочинение Дезидерия Эразма Ротердамского, писанное за 330 лет пред сим / Перевод с латинского подлинника. М., 1840. С. 70–71.* (Цензурное разрешение, выданное М. Т. Каченовским, датировано 28 ноября 1837 г.)
- ¹⁰ При первой публикации текста, осуществленной уже по смерти автора (Русский архив. 1879. Вып. 3. С. 385–386), начальные четыре стиха приведенной строфы были опущены.
- ¹¹ См.: *Основат А. Л.* Пушкин, Тютчев и Польское восстание 1830–1831 годов // *Пушкинские чтения в Тарту. Таллинн, 1987. С. 49–52.*
- ¹² *Гаспаров Б.* Сон о русской поэзии (О. Мандельштам, «Стихи о русской поэзии», 1–2) // *Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 288–289.*
- ¹³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 14, 16.
- ¹⁴ См.: *Les Œuvres complètes de Voltaire / The Complete Works of Voltaire. Vol. 46. Oxford, 1999. P. 62. Note 38.*
- ¹⁵ *Ibid. Vol. 4. 1996. P. 188.*
- ¹⁶ *Ibid. Vol. 46. P. 62–63.* Ср. также в «Истории Российской империи при Петре Великом» (*Ibid. Vol. 46. P. 491, 559–560; Vol. 47. 1999. P. 1075–1076.*)
- ¹⁷ Опубликовано в газете «Гражданин» 17 января 1872 г. (№ 3. С. 79; в автографе озаглавлено «Годовщина» и дан подзаголовок: «6/18 июля 1871»).
- ¹⁸ *Лексикон Российской исторической, политической и гражданской / Сочиненный господином тайным Советником и Астраханским Губернатором Васильем Никитичем Татищевым. СПб., 1793. Ч. II. С. 104.* См. в его же Примечаниях на

книгу Ф.-И. фон Страленберга «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы...» (Стокгольм, 1730; на нем. яз.), изданных лишь в новейшее время (*Татищев В. Н.* История Российская: В семи томах. Л., 1968. Т. VI. С. 410).

¹⁹ Чтения о русском языке Николая Греча. СПб., 1840. Ч. II. С. 251.

²⁰ См.: Литературное наследство. М., 1988. Т. 97. Кн. 1. С. 518–519.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ШИПОВНИК

К 60-ЛЕТИЮ

РОМАНА ДАВИДОВИЧА ТИМЕНЧИКА

Водолей Publishers

Москва

2005